

-Стоп! - в момент, когда копьё Артурии сверкнуло в ее руках - Аинз сделал шаг вперед - заинтересованный в ее словах и замечании,- Секунду, что конкретно ты хотела сказать про спасение человечества и твой план?

Аинз долго подготавливался к этому моменту - оттачивал лучшие из своих оправданий, вспоминал самые подходящие отговорки и представлял себе этот момент - и вот, этот момент наступил.

Аинз действительно допустил ошибку и нарушил чей-то продуманный план по разрешению Сингулярности!

Сделав шаг к Артурии Аинз взглянул на ту серьезно, внутренне пытаясь быстро сложить из ранее обдуманых фраз и действий продуманный план действий. Как вернуть план Артурии по разрешению Сингулярности на круги своя? Как оправдаться перед ней - перед подчиненными - перед Халдеей? Стоило ли ему прекратить сражения прямо сейчас... Или все это было ложью, и на самом деле Артурия просто пыталась запутать его в данный момент? В конце концов, хотя Аинз и ожидал момент, когда его действия наконец-то приведут к нарушению настоящего плана по разрешению Сингулярности - не то, чтобы он мог легко довериться "последнему боссу" Сингулярности и его словам относительно разрешения этой Сингулярности. "Присоединись ко мне и мы будем править миром" было стандартным вариантом выполнения квеста - и крайне часто неправильным.

Медб, до того приготовившаяся к сражению - насколько это было для нее возможно - то есть, откинувшись на спинку трона, возникшего под ее формой, стоило той откинуться в воздухе, словно бы восседая на трон что уже стоял до того, перевела взгляд на Аинза - но в данный момент Аинз сам был благодарен тому, что он обладал подобной нерушимой репутацией гения, командира босса и всех иных вещей - поскольку та не подняла даже бровь в недоумении. Если Аинз что-то сделал, то значит для этого была причина.

Артурия, впрочем, не была столь же благосклонна - хотя та не атаковала Аинза мгновенно, когда он оказался перед ней практически беззащитным - ну, по крайней мере, в ее глазах, поскольку Аинз не позволил себе расслабиться на поле боя на самом деле - та также и не опустила возникшее в ее руках копьё, подобное огромному скрученному в спираль рогу, лишь указав тем на Аинза в более чем недружелюбном жесте - что заставило Медб издать подобие рыка - слабо подходящего ее чертам и высокому голосу - а самого Аинза приготовиться к атаке.

-Я не вижу смысла говорить с тобой,- голос Артурии был холоден - но не так, как был холоден голос... Артурии? Аинз сделал пометку в дальнейшем подобрать другое различие между двумя, временно решив называть Артурия из Халдеи "черной", а Артурию перед ним "Богиней". В любом случае, голос Богини был холоден, но не пронизан холодным, почти высокомерным пренебрежением, а скорее был пуст - отстранен, будто бы говоривший просто повторял заученные фразы, возможно даже не понимая смысла произнесенных слов - или не зная языка, на котором он говорил,- Сражайся. Выживание человечества... Достойная цель для того, чтобы встретить смерть в бою пытаясь исполнить ее.

На эти слова Аинз мог только нахмуриться. Нет, конечно же, он не испытывал проблем с тем, чтобы сразиться с Артурией - но, признаться честно, он в первый раз столкнулся с кем-то в Сингулярности кто пытался разрешить эту Сингулярность своими силами - и кому он мешал своими действиями. К тому же Аинз не был так уже уверен в том, как именно он разрешал Сингулярности - обычно он просто побеждал противников, забирал Грааль и... На этом все оно как-то само заканчивалось. Для планов относительно зачистки рейдов этого было обычно достаточно - хотя разработчики Иггдрасиля и любили добавить одно или другое дополнительно

действие, требующееся для прохождения - доставка предмета, разговор активирующий ключевой флаг или что-нибудь подобное... Для разрешения Сингулярности? Не факт.

Но и просто развернуться и отдать приказ Слугам остановиться, неожиданно пойти на попятную Аинз не мог - из-за того, что он не был единственным участником в сражении, из-за того, что он не мог так просто и не имея на то причины заявить перед своими подчиненными о неожиданном резком развороте или прекращении действия плана... И потому, что он до сих пор не был уверен в том, что Артурия напротив него была действительно его союзником.

Легкого разговора с Богиней у Аинза, впрочем, не выходило. Копье, направленное на Аинза, не пошло в сторону и даже когда Аинз не атаковал первым - Богиня не атаковала сама, однако никаким образом не показывала и того, что она была расслаблена. Скорее она просто выжидала подходящего момента, опасаясь, что в случае атаки против Аинза она окажется в ловушке.

Совершенно правильный подход в сражении с любым игроком в Иггдрасиле - и особенно с Аинзом, однако в текущих создавшихся условиях... Крайне непродуктивный.

Аинз в свою очередь остановился - ему было понятно, что согласно предыдущим Сингулярностям ему просто нужно было убить Богиню... Но если она все же не вралась? Если у нее все же был собственный план, что он нарушил своими действиями?

Молчаливое противостояние двух сторон затягивалось, мгновение за мгновение, прежде чем Богиня все же открыла рот, - Вот, значит, как... Гибель человечества недостаточно для тебя - ты желаешь увидеть мой вид в момент, когда последняя кроха надежды будет уничтожена... Когда все мои приготовления окажутся бесполезны... Впрочем, я не ожидала иного.

“Если бы я еще знал, о чем ты и Хассан говорите, то все было бы куда проще...” - Аинз почти закатил глаза раздраженно, прежде чем взглянуть на ту внимательно, замерши между двумя решениями - атаковать и все же задать вопрос - и пусть Медб будет свидетельницей его неуверенности в ответе.

Несколько секунд в воздухе стояло напряженное молчание, прежде чем Богиня все же приняла первое решение вместо Аинза. К счастью или нет - та избрала путь не длительного монолога с разъяснением о своих планах и тайнах Сингулярности, а атаку, направленную на Аинза - мгновенно оказавшись рядом с ним с копьем, занесенным для удара - со скоростью значительной даже для Аинза, привычного к скоростям Иггдрасиля - и нанесла удар.

К счастью активировавшаяся магия защитила фигуру Аинза - а возникшее за спиной изумрудной отражение существа, словно бы выточенного из переливающегося всеми оттенками кристалла, нанесло удар, сверкнув словно бы созданным в едином ансамбле со всем его телом клинком в атаке.

Впрочем, конечно же, разобраться с Богиней так просто было невозможно - та даже не обернулась в сторону атакующего, легко взмахнув рукой, словно бы отгоняя от себя назойливую муху. Порожденная движения руки волна, впрочем, не была похожа на подобную от движения руки - ударившая словно бы взрывная волна врезалась в столь артистично созданную скульптуру иллюзорного воина Медб, раскалывая ту мгновенно на сотни тысяч мельчайший осколков, размалывая того в песок - тут же истаявший еще до того, как звук разбитого стекла мог бы быть услышан присутствующими.

Впрочем Медб также не обратила на подобное внимания - двое, трое, затем пять, десять - и в мгновение ока весь тронный зал оказался заполнен переливающимися копиями и иллюзиями,

каждый словно бы небольшое произведение искусства - любимый Медб изумрудный цвет кристаллов уступил место всем переливающимся цветам радуги, словно бы каждый из воином был создан из собственного вида самоцветов - от белесо-прозрачного алмаза и до цветов настолько странных и ярких, что, казалось, тем не было места в мире людей вовсе.

Следующее движение копья Богини, подготовившейся для нового удара против Аинза мгновенно породил взвившиеся вверх потоки воздуха - грохот и свист режущего ветра, возникший даже не как следствие удара, а лишь в качестве стороннего эффекта замаха самой Богини, впрочем, также легко врезался в расположенную вокруг нее небольшую армию - звон стекла практически поглотил грохот удара воздуха, в момент, когда десятки окружающих ее рыцарей превратились в мелкую растертую пыль под давлением ветра - а сама Богиня устремила копье в сторону Аинза.

Впрочем, сам Аинз все это время не стоял бездельно - ударившие из-под земли цепи, словно бы сделанные из костей, сплетенных в единые канаты, врезались в ноги и руки Богини, опутывая те без всякой нежности к цели - если бы на месте Богини оказался обычный человек то, даже несмотря на то, что это заклятие было одним из множества заклятий Аинза, направленных на ограничение подвижности, нежели на нанесение урона - тот погиб бы весьма жутким образом - его конечности, обвитые костяными цепями превратились бы в кровавую пыль и месиво, ударившее во все стороны под напором цепей как из сжатого пакетика с кетчупом.

Впрочем, это было бы справедливо для обычного человека - и Богиня не была ни обычной, ни даже человеком - а потому сжавшиеся на ее теле цепи смогли остановить ее - на секунду - но не более того. Спустя прошедшую секунду Богиня, в чье тело врезался клинок возникшего очередного иллюзорного - но оттого не менее опасного - воина, дернулась в сторону - и цепи, не сдавшиеся так просто под напором атаки, потянулись за ней, вырываясь из пола словно бы из плоти, скрежеща и ударяя во все стороны каменной крошкой и пылью.

Впрочем секунды заминки для Аинза оказалось более чем достаточно - отступив на приличную дистанцию тот взглянул на Богиню задумчиво.

Наверное идеальнее всего было бы не убивать ее в данный момент, а попытаться обездвигить и вызнать у нее относительно ее планов по разрешению Сингулярности... Но вместе с тем подставляться сейчас под удары просто ради этого было бы слишком глупо. Она могла врать, в конце концов, да и к тому же сейчас для Аинза было несколько поздно для того, чтобы просто пожать плечами, отозвать Слуг и сказать "ну а теперь к переговорам."

С другой стороны - и просто убивать ее Аинз не хотел - если не для разрешения текущей ситуации - то как минимум для того, чтобы иметь информацию на будущее.

Поэтому, телепортировавшись в сторону от Богини, заставив ее остановиться, прежде чем переключить свои атаки на куда менее верткую цель - Медб - Аинз кивнул.

Конечно же он попытается остановить атаки Богини, в идеале для того, чтобы устроить с ней диалог. Если же у него это не выйдет и ему придется расправиться с той - для того, чтобы помочь кому-то из Слуг или просто потому, что сражение с ней начнется затягивать - он ее прикончит.

Кивнув сам себе незаметно, Аинз принял решение - прежде чем вновь сконцентрировать свои силы на Богине.

Он постарается обезвредить ее... Но не слишком. Если Богине суждено умереть - ну, это не было великой потерей, на которую Аинз не могу пойти.

***

Сиятельное сверкание клинка Гавейна могло заставить иных пасть ниц перед великолепием и мощью клинка Солнца. Поднимающийся до небес столп пламени, осколок мощи магии, доказательство величия рыцаря Камелота - клинок, названный "братом" Экскалибура в руках "непобедимого рыцаря Гавейна."

Для большинства обычных - насколько это слово было применимо вовсе - магов было достаточно просто услышать о подобном, в крайнем случае - допустить один взгляд на сияющий осколок Солнца в руках рыцаря Камелота чтобы мгновенно сдаться - покаяться во всех своих грехах и признать поражение. Даже те, кто решил бы сохранять свое высокомерие перед лицом неминуемой гибели - будь то маги, Слуги или кто иной - встретили бы клинок с высоко поднятой головой, но вместе с тем не сомневаясь и относительно печального исхода столкновения с мощью клинка Гавейна.

Впрочем, Озимандия Великий не был ни первым, ни вторым - взгляд на сияющий Солнцем клинок Гавейна тот даже не удосужился скривить свое лицо в презрительном отвращении к Гавейну и его силам - рыцарь Солнца для него изначально не имел права на этот титул - а значит не имел права и на то, чтобы портить настроение Озимандии - и тем более исказить его прекрасное лицо гримасой отвращения.

Впрочем, и глупость не смела омрачать разум Озимандии, а потому тот не позволил своему презрению затмить его взгляд и разум, приняв смерть в своей неосторожности.

Потом взревшее солнечное пламя Гавейна спустя мгновение врезалось в огромную фигуру сфинкса, призванного Озимандией чуть ранее. Монструозное создание, способное заставить любого Слугу отступить одним своим видом и аурой силы против клинка Солнца, заставившего пыль и песок превратиться в стекло на сотни метров вокруг от одного жара пламени.

Столкновение разнеслось взрывной волной вокруг, но... Вслед за ними не поднялось облако пыли, как не было слышно и воя и скрежета металла и плоти.

Должна было подняться взрывной волной пыль была мгновенно сожжена, не оставив даже возможности скрыть от глаз фигуру столкновения двух воплощений Солнца. Поднявшаяся взрывная волна ударила так быстро, что грохот не успел оформиться в звук до того, как все было кончено - и когда он ударил - грохот был подобен не звуку взрыва или столкновения, а небесному грому, словно от гневающегося Царя Богов, взирающего с яростью на мир под его ногами.

Два солнечных огня, столкнувшись единовременно, породили вспышку - ослепительно яркое сияние клинка Гавейна столкнулось с обрамленной серебряным черным фиолетовым сияние могущественного Сфинкса - и ударившее во все стороны сжигающее пламя поглотило на мгновение весь мир вокруг.

Впрочем и эта картина не продлилась и секунды - поглотившая, казалось бы, весь мир пелена отступила спустя мгновение - и ударившие во все стороны серебряные и золотые блики превратились в мягкие отблески, прежде чем, вместе с затихающим громом, истаять в ничто, оставляя Гавейна, по чьему лицу прокатилось несколько крупных капель пота, черно-фиолетового сфинкса, издавшему яростный и наполненный болью вой, обнажая еще более черный, чем на всем его ином теле разрез, из которого бурным потоком засочилась черно-фиолетовая вязкая жидкость, подобная крови величественного создания, и Озимандию на его барке, что не выглядел ни удивленным, ни разгневанным, а казался и вовсе даже несколько

скучающим, глядя на выступление цирковой труппы перед ним и в его честь - словно бы столкновения царя всех сфинксов и непобедимого рыцаря для него представляло в лучшем случае небольшую забаву, которой он любил скрашивать свои вечера.

Взгляд Озимандии коснулся раненного сфинкса, сделавшего шаг назад, немного пошатываясь, словно бы переживая боль удара, прежде чем вернуться к Гавейну и Озимандия произнес величайшую похвалу что он мог только даровать Гавейну,- Я ожидал более жалкого зрелища от вора, пожелавшего присвоить титул моего рыцаря себе.

Для Озимандии это было, пожалуй, одним из наиболее выдающихся комплиментов, что он мог даровать со своей руки - это было признанием силы противника - в каком-то смысле даже признанием права - в ничтожной мере - на титул рыцаря Солнца. Но все же это было максимумом, что мог даровать Гавейну Озимандия.

Хотя ранение сфинкса - царя всех сфинксов - в каком-то смысле само по себе было достижением не меньшим, чем ранение иного легендарного дракона - для Озимандии подобный исход сражения не приводил ни к чему большему, чем к покровительственной похвале Гавейна. В конце концов, пусть с точки зрения любой легенды подобное достижение, равное ранению, нанесенному чудовищу и смотрелось солидно - здесь и сейчас, стоя против Озимандии, Гавейн не добился большего, чем немного развлечь самого Озимандию. Раненный сфинкс был, в конце концов, просто раненным сфинксом - даже не убитым. Озимандия мог уничтожить противника сейчас - либо мог отправить сфинкса, вполне способного продолжать сражение, пусть и не в своей полной силе, против врага. Для Гавейна же, однако, ситуация была намного печальнее - тот смог отбить атаку и даже нанести ранение Благородному Фантазму Озимандии лишь благодаря использованию своего Благородного Фантазма. Сейчас, когда эта козырная карта была сброшена со стола - на время куда дольше, чем потребует Озимандии для того, чтобы разобраться со своим противником - можно было сказать, что это было концом Гавейна.

Поэтому Озимандия даже не обратил внимания на то, с каким яростным ревом бросился вперед царь всех сфинксов, стремясь отомстить ранившему его рыцарю, лишь холодно глядя на то, как огромное массивное существо, созданное из фиолетово-багряной пустоты и жара новорожденных звезд, атаквало вновь - обеспечивая еще одну милость Гавейну - ибо сам Озимандия Великий наблюдал за последними моментами жизни рыцаря. Разве само по себе это не было милостью по отношению к его противнику?

Конечно же под светом полуденного солнца Гавейн был сильнее всего - но его противником не был другой Слуга, а легендарное чудовище, не уступающее никакому дракону в своей мощи - и существовали все причины на то, чтобы драконоборцы занимали почетное место наверху пантеона всех героев.

Гавейн поднял клинок - но врезавшаяся лапа сфинкса заставила того сделать шаг назад, отчаянно стремясь погасить инерцию удара, вспахивая борозды своими подошвами. Второй удар сфинкса в бог Гавейна заставил того сжать зубы, подавляя пытающийся вырваться совершенно не рыцарский стон боли от ощущения когтей и жара, мгновенно спаявшего его плоть и металлический доспех непобедимого рыцаря.

Следующей атакой Гавейн попытался ударить в ответ - и хотя клинок, Экскалибур Галатин, легко выдержал температуру сфинкса, пышущего жаром, словно новорожденная звезда - руки Гавейна не могли похвастаться подобной защитой. Поднимающийся от тела сфинкса жар сплавил плоть Гавейна с металлическими перчатками с легкостью, из-за чего врезавшийся в тело сфинкса удар нанес Гавейну куда больше урона, чем его противнику. Спустя еще

мгновение - огромная лапа сфинкса смела Гавейна с места, заставив его плоть затрещать, как у игрушки, которой неосторожный ребенок решил согнуть негнущиеся руки, а второй удар смял доспех Гавейна, выбросив того прочь.

Следующим действием сфинкс должен был разорвать Гавейна на части - и это окончило бы путь "рыцаря Солнца". Для Озимандии подобный исход не был чем-то удивительным - любой вставший на пути Царя Царей должен был погибнуть, не существовало более никакого иного исхода в этом сражении. Но вместе с тем по крайней мере он мог отметить, что немногим была оказана честь лицезреть от имени самого Озимандии более, чем удар солнечных лучей, направленных с его барки - а значит Гавейну стоило гордиться своими достижениями вперед и в своем посмертии - Озимандия Великий мог оказать тому милость и разрешить в дальнейшем говорить о том, что сам Озимандия решился явить ему целую сотую часть его настоящих сил.

Впрочем, Гавейн не заслужил милости настолько большой, чтобы сам Озимандия лично наблюдал последние моменты его жизни, а потому отвернувшись от фигуры рыцаря тот приказал своей парящей барке, ныне несколько искореженной под ударами Гавейна, но вполне функциональной до сих пор, продолжить свой путь - Озимандии было несколько печально появляться перед своими противниками на его изуродованном судне, но никакая помарка этого мира не могла скрыть величия Озимандии - а потому даже на изуродованной барке Озимандия Великолепный выглядел лучше, чем все иные цари мира в благородном пурпуре.

Однако именно в момент, когда Озимандия повернулся спиной к Гавейну - тот ощутил удивительную неправильность в происходящем.

Его сфинкс, его Благородный Фантазм, что, безусловно, был ранен, но более чем способен к продолжению сражения - и даже успел это доказать, превратив Гавейна в однозначного покойника всего за несколько ударов - успел издать только странное подвывание - больше от удивления, чем от чего-либо иного - прежде чем перестать существовать вовсе.

Озимандия развернулся назад спустя мгновение, найдя взглядом единственного, кто мог окончить существование его сфинкса - при всей, казалось бы, невозможности подобного.

Гавейн, что всего несколько мгновений назад казался побежденным, на пороге смерти, сплавленным с металлом в качестве доказательства своего проигрыша, крепко стоял на ногах, держа в руках свой Экскалибур Галатин - с клинка которого стекала вязкая черно-фиолетовая кровь царя всех сфинксов.

Сам Гавейн, еще недавно похожий на изуродованную куклу и живой труп, стоял на месте - ничуть не раненный и даже не запыхавшись. Его рука сжимала клинок - а его взгляд был устремлен на самого Озимандию, соизволившего перенести взгляд на тело сфинкса под ногами Гавейна.

Мог ли Гавейн убить его сфинкса? При всей сложности подобного - все же, это не было чем-то совершенно недопустимо невозможным - если бы Гавейн решил перетерпеть боль сжигаемой плоти и нанес удар в нужный момент - возможно, ему бы и удалось срубить голову царя сфинксов или пробить его сердце - пусть это и не было бы легко или просто, и сам Гавейн, даже находясь под ярким полуденным Солнцем, пострадал бы за свою дерзость.

Однако все также продолжающее дышать жаром даже после своей гибели тело сфинкса лежало под ногами Гавейна, плавя песок под собой, а стоящий над ней Гавейн, держащий в руках клинок, что еще считанные минуты, если не секунды назад страдал от этого жара, казалось, вовсе не обращал внимания на тот теперь. Оправдание этой странности было только

одно - если даже полуденное Солнце не могло спасти Гавейна полностью - это в свою очередь значило только то, что в дело вступило нечто даже более могущественное, чем эта способность Гавейна.

-Святой Чисел,- произнес медленно Озимандия, прежде чем перевести взгляд с фигуры Озимандии на полуденное Солнце,- Неудивительно - определить время в данный момент действительно несколько затруднительно.

-Три часа на рассвете, три часа на закате,- Гавейн улыбнулся на эти слова, прежде чем взвесить клинок в своей руке, будто бы заново определяя, подходило ли ему его оружие,- Солнце может висеть надо мной сколько угодно, но эта способность зависит только от времени.

Гавейн был могущественным рыцарем, одним из сильнейших в Камелоте. Под полуденным Солнцем он становился в три раза сильнее, чем был до того. На его поясе хранился "брат" Экскалибура. Его Благородный Фантазм едва ли уступал Экскалибуру, храня в себе мощь самого Солнца.

Но, словно бы всех этих вещей было мало когда-то Гавейну - тот обладал еще одной - вновь, чрезмерно могущественной для одного рыцаря способностью. Святой Чисел - древняя легенда и поверье, связавшее Гавейна с святыми числами - три часа на каждом рассвете и три часа на каждом закате Гавейн был...

Неуязвим.

Просто и без изысков - Гавейн был неуязвим шесть часов в сутки - четверть каждого дня.

Как будто бы кто-то просто пожелал наделять рыцаря Солнца всеми силами одновременно - не особенно заботясь о том, как столь непобедимый противник может быть побежден. В конце концов - именно в этом и заключалась идея легендарных героев - не в том, чтобы создать героя, что мог бы побеждать врага в одной истории и отступать перед непобедимым противником в другой. Нет, легенда о рыцарях Камелота создавала именно "легендарных" героев - тех, что нельзя было сразить никаким клинком или магией вовсе...

Впрочем, там где иные Слуги почувствовали бы отчаяние от столкновения с непобедимым монстром - Озимандия Великий почувствовал гнев. Не от бессилия впрочем - наоборот.

-Возрадуйся, Гавейн,- впервые за все время Озимандия обратился к своему врагу по его имени,- Ибо ты совершил то, что многие сочли бы невозможным. Ты вызвал мой гнев... И вместе с тем - станешь достойной целью для моей мощи.

Неуязвимый рыцарь? Перед Озимандией Великим не существовало неуязвимых врагов, непокорных империй и непреодолимых препятствий.

-Рамзеум Тентириис,- слова Озимандии были коротки, но вместе с тем наполнены мощью и гневом.

Ему порядком надоела эта возня кошки и мышки... Рамзес желал разобраться со своим противником - и доказать тому, раз и навсегда, что недостаточно было просто назваться "рыцарем Солнца."

Для того, чтобы на самом деле испытать мощь Солнца - должно было быть фараоном.

***

Первый Хассан был словно бы живым синонимом слова “смерть”. Самим воплощением неотвратимой поступи последнего суда, ожидающего каждого в конце жизни. Никто не мог избавиться от его взгляда и каждый взмах его клинка означал конец чьей-то книги жизни. Там, где проходил его путь - заканчивался чей-то иной. Такова была суть Первого Хассана - когда-то давно один безымянный старик поднял свой клинок во имя своего Господа - и с тех пор не опускал тот, заставляя падать одних вслед за другими, до тех пор, пока ужас не стал синонимом его титула - а его имя истерлось в песках истории, вместе с его телом, оставив только движущиеся под влиянием немертвой силы доспехи - и цель.

Так родился Первый Хассан - создатель секты - самого слова - “ассассин”.

В отличии от множества иных Слуг - взглянуть на него не было честью или милостью - ведь взгляд на него означал смерть. Столкнуться с ним в бою не было честью - столкновение с ним в бою означало смерть. Нанести ему удар не было подлостью - нанесение удара по нему означало смерть.

Смерть и только смерть ожидала того, кто столкнется с Первым Хассаном - неотвратимая смерть, которую нельзя было удержать - как нельзя было удержать звон похоронного колокола, звучащего каждый раз, когда Первый Хассан поднимал свой клинок.

И все же, Ланселот был жив.

Отчаянно вертясь на месте, чувствуя, как с каждым ударом вспарывается его плоть, Ланселот был жив. Как все его силы, все дарованные и заемные способности напрягаются в тщетной попытке удержаться на краю гибели - Ланселот был жив. Все еще, несмотря на абсолютную проигрышность и безысходность его ситуации - он все еще был жив. Отчаянно, бессмысленно - но он был жив - секунда, две, три, пять - кто кроме Ланселота мог похвастаться что он продержался десять секунд в бою против Первого Хассана? Двадцать? Тридцать?

Ланселот не сомневался, что он проиграет, погибнет и не выдержит сражения с Первым Хассаном - чтобы ни было на его стороне...

Но тридцать, сорок, пятьдесят секунд сражения с Первым Хассаном... Это уже было результатом, которым не мог похвастаться ни один другой Слуга или герой, не так ли? А это значило, что Ланселот уже заслужил свой титул “рыцаря всех рыцарей.”

А потому, продолжая отчаянную оборону, забыв о самой возможности атаковать цель, Ланселот отчаянно вертелся, выгрызая секунда за секундой своих продолжающихся вздохов. Пятьдесят две секунды... Пятьдесят семь... Шестьдесят три...

Больше минуты Ланселот продержался в бою с Первым Хассаном - и даже не лишился своих конечностей - разве это было не достижение?!

Однако это сражение не могло продолжаться вечно - даже долго. Удар за ударом за ударом и за ним - еще один удар... Пока Ланселот не понял, что он проигрывает. Фактически он проиграл в момент, когда Первый Хассан решил взять в свои руки уничтожение Ланселота - но момент, когда его голова покатится с плеч еще не наступил... Но приближался на всех своих неостановимых порах.

Взгляд Ланселота заскользил вокруг - он мог позволить себе отвлечься от своего противника. Какой смысл был внимательно наблюдать за Первым Хассаном, если Ланселот знал, что он был мертв вне зависимости от того, как внимательно он наблюдал за своим противником?

Взгляд Ланселота заскользил по рядам противников - Артурия... Галахад... Бедивер...

Последняя фигура заставила Ланселота замереть на мгновение - за что тот поплатился огромной разрезанной полосой, закровоточившей алым спустя мгновение.

У Ланселота было мало времени - считанные мгновения, возможно меньше чем несколько секунд оставалось у него перед гибелью и... Как бы жалко это не звучало - но сейчас, вновь под командой своего короля, Ланселот хотел продемонстрировать свою верность хотя бы в какой-нибудь мелочи. Унести одного противника с собой в могилу - даже если это было бесполезным жестом, не более, чем жалкой попыткой самоуспокоения, оправдания перед собой, что "в этот раз я сражался за Короля Артура до конца" - Ланселот желал сделать это.

Ланселот не был уверен в том, что Бедивер являлся наиболее опасным из всех противников. Более того, он не знал ничего об этом Бедивере - только то, что он когда-то знал о рыцаре с этим именем, и о том, что его действия - прикосновение его руки - смогло каким-то образом развеять Дар Богини, которым обладал Тристан. Был ли он наиболее опасным из противников Богини в данный момент? Возможно нет - но определенно был наиболее непредсказуемым - и наиболее уязвимым для атаки.

А потому, отказавшись от своей защиты, мгновенно Ланселот бросился вперед в последней отчаянной попытке совершить последний "героический" подвиг на службе своего Короля.

Преодолеть защиту Слуг было несложно - особенно пожертвовав своей защитой и подставившись под удар Первого Хассана, отдав тому свою спину на растерзание.

Стальная хватка Ланселота сомкнулась на серебряной руке Бедивера...

И механическим движением вырвала ту из плеча рыцаря.

Зашедший по полю боя крик, однако, потонул мгновение спустя в ворохе ощущений, воспоминаний, мыслей слов в голове Ланселота...

"Экскалибур" ...

Навык Ланселота, "Рыцарь Владения", начал работать на полную. Ощущения, воспоминания, мысли и чувства - все то, что связывало Экскалибур с Королем Артуром, с Бедивером...

С Ланселотом.

Стальная хватка Ланселота вцепилась в серебряную руку Бедивера - в Экскалибур - выжигая каленым железом в памяти Ланселота забытые и никогда не известные ему слова и мысли. Вечность скитания, сотни сражений, неисполненный долг...

Но и этого было слишком мало для Ланселота.

-Кажется, твоя работа здесь выполнена, старик,- голос Жак пробился сквозь пелену непонятных мыслей и ощущений, заставив Ланселота содрогнуться. Жак...- Может возвращаться в свою разрушенную крепость - я позабочусь об оставшемся. Вендреди Трезе.